

Е. А. Хелимский, Древнейшие угорско-самодийские языковые связи. (Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1978.

26 ноября 1979 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась успешная защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР Е. А. Хелимским. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Кюннап (Тарту) и кандидат филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин).

Тема исследования Е. А. Хелимского беспрецедентна не только в советской уралоистике, но и в уралоистике вообще. До сих пор взаимоотношения различных групп уральских языков рассматривались только в докторской диссертации западногерманского ученого Хартмута Катца, посвященной фонологии хантыйского, ненецкого и селькупского языков в рамках языкового союза, т. е. частично поздним ареальным взаимоотношениям между отдельными угорскими и самодийскими языками. Древнейшие взаимосвязи языковых групп, за исключением прибалтийско-финской и саамской, затрагивались лишь поверхностно, хотя актуальность проблематики не вызывает сомнений.

Рецензируемая работа состоит из двух частей. Первая и основная часть (200 с.) включает введение, три главы и заключение. Вторая часть (111 с.) содержит приложения (66 с.) и т. н. справочный аппарат. Материалом наряду с общеизвестными источниками и экспедиционными материалами, собранными автором у селькупов, энцев, ненцев, хантов и манси послужили ценнейшие архивные материалы по тайгйскому, карагасскому, моторскому и «юрацкому» языкам, до сих пор науке не известные и представленные в приложениях.

Цель работы — дать обобщающее исследование конкретных проявлений древнейших угорско-самодийских языковых связей и исторических предпосылок их возникновения. Естественно, что достижение такой цели невозможно без рас-

смотрения взаимоотношений всех финно-угорских и самодийских языковых групп.

Первая глава («Проблемы соотношения языков внутри финно-угорской и самодийской ветвей», с. 12—73) распадается на две автономные части: первая посвящена проблеме классификации финно-угорских языков, вторая — самодийских языков.

Затрагивая проблему классификации финно-угорских языков, Е. А. Хелимский справедливо отмечает условность и неполноту традиционной классификации (генеалогического древа). На основе лексикостатистической таблицы Э. Кангасмаа-Минн (представленной в A. Raun, Über die sogenannte lexikostatische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-Ugrische und Türkische. — UAJb. XXVIII 1956, с. 152) Е. А. Хелимский демонстрирует возможности построения нескольких генеалогических древ, причем вид древа зависит от точки (языка) отсчета. Различные интерпретации таблицы, однако, свидетельствуют о несостоятельности объединения мордовских и марийского языков в одну, т. н. волжскую подгруппу финно-угорских языков. При попарном рассмотрении мордовско-марийских, марийско-пермских, пермско-угорских (и венгеро-пермских) взаимоотношений Е. А. Хелимский убедительно аргументирует их межгрупповой характер. Близость мордовских и марийского языков, как и процент совпадений между отдельными языками по таблице Кангасмаа-Минн, зависит от взаимной близости в цепочке следующего вида: финно-саамский — мордовский — марийский — пермский — (венгерский — мансийский — хантыйский) (ср. с. 3 автореферата, где эта цепочка представлена в самом чистом виде), причем историческую вторичность большей близости прибалтийско-финских и мордовских, а также марийского и пермских языков, по отношению к близости мордовских и марийского языков доказать не удается.

Приведенная цепочка идентична с традиционно установленным порядком перечисления финно-угорских языков, Е. А. Хелимский лишь объединяет в одну группу прибалтийско-финские и саамские языки. Это объясняется тем, что «вид схем (генеалогических древ — Т.-Р. Вийтсо) не меняется при выборе в качестве точки отсчета того или иного из наиболее родственно близких языков (финский или саамский...» (с. 21). Однако именно в отношении «финно-саамского» в таблице Кангасмаа-Минн имеется контраргумент: доля саамско-пермских совпадений до 5% ниже прибалтийско-пермских. Хотя неизвестны данные, легшие в основу таблицы Кангасмаа-Минн, этот процент слишком высок для случайностей и возможных ошибок со стороны Кангасмаа-Минн. Поэтому считаю, что левым крайним звеном в цепочке являются саамские языки. В пользу этого говорит и то, что предки саамов, вероятно, прибыли в Прибалтику на 1500 лет раньше предков прибалтийских финнов, к 5000 г. до н. э. (ср. К. Марк, Антропология прибалтийско-финских народов, Таллин 1975, с. 44—45; L. Jaanits, Über die gemeinsame archäologische Kultur der ostseefinnischen Stämme — СФУ Х 1974, с. 226). Предки прибалтийских финнов прибыли в Прибалтику к середине III тыс. до н. э. (не к концу, как сказано в работе; к концу того же тысячелетия прибыли уже носители культуры ладьевидных топоров, которых обычно считают балтами). Итак, многое из известной близости прибалтийско-финских и саамских языков объяснимо конвергенцией на протяжении 4500 лет (последние данные антропологии не дают основания предполагать, что предки саамов не были финно-уграми, хотя и не доказывают обратное). На этом же основании эстонские финно-угроведы не считают мыслимым существование прафинно-угорского языка еще в III тыс. до н. э. Если предки саамов прибыли в Прибалтику к 5000 г. до н. э. и были финно-уграми, то распад прафинно-угорского языка возможен самое позднее в VI тыс. до н. э. В качестве рабочей гипотезы полагаю, что первыми тремя группами были досаамский, праокский, (прафинно-мордовско-марийско-пермский) и праугорский, если назы-

вать праязыком только гипотетический язык, реконструируемый на базе реальных диалектов или языков в качестве их общего предка. (В понятие праязык у Е. А. Хелимского входит и реальный язык-основа.) Но я согласен с основным следствием Е. А. Хелимского, что распад уральской, а затем финно-угорской общности был связан с расширением территории, причем «сходство между территориально удаленными диалектами неуклонно убывало, тогда как соседние говоры продолжали оставаться весьма близкими и склонными к общим лексическим инновациям» (с. 33).

Рассматривая классификацию самодийских языков, Е. А. Хелимский основательно относит известный лишь из рукописей Г. Ф. Миллера «юрацкий» к диалектам ненецкого, а не энецкого языка, на основе новых источников моторский, тайгйский и карагасский языки считаются довольно близкими диалектами одного и того же самодийского языка — моторско-тайгйско-карагасского (МТК) или просто моторского, и камасинский и койбальский языки — весьма близкими диалектами камасинского языка. Хотя близость моторского, тайгйского и карагасского, а также камасинского и койбальского на основе существующего материала хорошо доказана, не считаю необходимой такую деградацию языков, в любом случае материал для этого слишком однороден и скуден. Кроме того, я поддерживаю предложение П. Саммаллахти считать ненецкие диалекты тундрным и лесным языками, это распространяется и на юрацкий. Если признать что русский, белорусский, украинский или норвежский и шведский — языки, то языками являются и разные саамские, мансийские, хантыйские и селькупские «диалекты». (Тогда нельзя признать изученными все уральские языки XX века, так как отдельные языки вымирают или вымерли неисследованными.)

На основе составленных им диагностических списков слов по тундрному ненецкому, тундрному энецкому, нганасанскому, тазовскому селькупскому, камасинскому и МТК (точнее: моторскому) языкам Е. А. Хелимский составил следующую лексикостатистическую таблицу:

	эн.	нган.	сельк.	кам.	мот.
нен.	74,7	61,6	56,3	56,3	58,1
эн.		72,1	59,3	58,6	58,1
нган.			54,6	54,6	54,1
сельк.				58,6	51,2
кам.					58,1

На основе ее он построил генеалогическое древо, существенно отличающееся от традиционного. По его мнению, самодийские языки делятся на северносамодийские, селькупский, камасинский и МТК; т. е. южносамодийскую ветвь он не признает. Е. А. Хелимский на основе этих результатов анализирует т. н. южносамодийские черты, объединяющие камасинский и селькупский языки, и обнаруживает, что лишь два из 12 морфологических признаков, выделенных А. Кюннапом, могут быть с уверенностью признаны камасинско-селькупскими инновациями. Этого, конечно, недостаточно для выделения южносамодийской группы. На основе формулы М. Свадеша Хелимский устанавливает время резкого распада самодийской общности — начало н. э. Этот распад он, вслед за Л. В. Хомич, связывает с толчком извне из-за начавшегося великого переселения народов. Образование трех северносамодийских языков Хелимский объясняет постепенной дивергенцией, обусловленной заселением арктических тундр. Эти объяснения представляются правоподобными, в любом случае они обоснованнее старой теории. Я хочу лишь обратить внимание на то обстоятельство в лексикостатистической таблице Хелимского, что энецкий из северносамодийских языков имеет наибольшие проценты совпадений как с другими языками северносамодийской группы, так и с остальными языками, а нганасанский — наименьшие. Это объясняется, на мой взгляд, с одной стороны, центральным положением энецкого языка на Севере, а может быть, и уже до передвижения на Север (дивергенция северносамодийских языков могла все-таки начаться и до заселения тундры). С другой стороны, положение нганасанского языка может быть обусловлено конвергенцией первоначально несверносамодийского нганасанского языка и северносамодийских языков, точнее, энецкого языка — в диагностических списках нет ни одного северносамодийского, который присутствует в ненецком

и нганасанском, но отсутствует в энецком. То, что в диагностических списках нет и слов, которые были бы общими только для нганасанского и одного или всех несверносамодийских языков, позволяет выдвинуть даже гипотезу, что нганасанский либо отделился первым от прасамодийского либо представляет собой ставший северносамодийским ранее несамодийский язык. Маленький лексикостатистический список не может решить проблему нганасанского языка, порожденную им же.

Во второй главе «Проблемы соотношения между языками финно-угорской и самодийской ветви» (с. 74—105) рассматриваются финно-волжско-самодийская гипотеза Д. В. Бубриха, самодийско-саамская проблематика, связанная с т. н. протосаамской теорией, гипотеза Я. Гуя о распаде уральских языков на северную (саамские, марийский, угорские и самодийские языки) и южную группы, гипотеза о прямых контактах между правенгерским и прасамодийским языками Э. Моора и И. Н. Шебештьен. Между прочим, Е. А. Хелимский попытался найти аргументы в пользу последней гипотезы (пять новых венгерско-самодийских этимологий в Приложении 10), но не нашел их. Концепция угорско-самодийских связей Е. А. Хелимского вкратце сводится к следующему: прародина угров располагалась между Уральскими горами и Обью, а прародина самодийцев к распаду прасамодийского языка переместилась из центральной части Западной Сибири к Алтаю, верхнему и среднему Енисею; классификация угорско-самодийских языковых связей: 1) генетические параллели, восходящие к прауральской системе, 2) ареально-генетические параллели, возникшие вследствие смежности доугорских и досамодийских диалектов прауральского, 3) ареальные параллели вследствие контактов праугорского и прасамодийского, 4) ареальные параллели вследствие контактов праобско-угорского и прасамодийского, 5) позднейшие параллели вследствие контактов отдельных угорских и самодийских языков; между прочим, различие между второй и третьей группами обусловлено терминологией Е. А. Хелимского.

Третья глава «Древнейшие угорско-

самодийские языковые параллели и их интерпретации» (с. 107—195), главная, касается угорско-самодийских контактов в IV—I тыс. до н. э. и основывается на неоспоримых результатах предшествующих двух глав. Здесь имеется ряд чрезвычайно интересных объяснений сложных и спорных явлений:

1) применение цепочки переходов (1) $*\xi > *s$, (2) $*s > *\theta$, (3) $*\xi > s$, (4) $*\theta > t$, установленной Х. Катцем для объяснения угорских рефлексов праур. $*s$, $*\xi$, $*s$ и их самодийских рефлексов, причем переходы (1)—(3) относятся к праугорско-прасамодийским и (4) к праобскоугорско-прасамодийским контактам;

2) применение предложенной А. Кюннапом трактовки элемента n в начале окончаний самодийских местных падежей для объяснения n -овых угорских местных падежей, точнее: n -овые окончания образовались путем сращения прауральского окончания генитива $*-n$ с древними послелогами;

3) установление в прасамодийском языке атрибутивных и неатрибутивных форм числительного 'два' $*kitz$ и $*kitzkzj$ (с показателем дв. ч.) по примеру угорских языков и на основе селькупского и труднообъяснимых нен. $\acute{s}ida\acute{x}a'$ 'два', кам. $da\acute{s}id\acute{e}g\acute{a}de$ 'к нам двоим';

4) объяснение образования форм аккузатива венгерских и самодийских личных местоимений (ср. венг. $engem(et)$ 'меня', $t\acute{e}ged(et)$ 'тебя', $minket$ 'нас', $titeket$ 'вас') при помощи модели (личное местоимение $+$) $*ki(t) +$ посессивный аффикс, который в венгерском может следовать падежное окончание $-(e)t$;

5) объяснение систем спряжения венгерского глагола вполне аналогичным прасамодийским; согласно Е. А. Хелимскому прасамодийские личные окончания глагола в ед. ч. были следующими:

субъектное спряжение

$*(t\acute{s})m$, $*k$

$*-nt\acute{s}$, $*-n$

$*-\emptyset$

объектное спряжение

$*-m(\acute{s})$

$*-\delta(\acute{s})$

$*-t\acute{s}$

?рефлексивное спряжение

$(*-j\acute{s}/*-\acute{s}-+)$ $\left\{ \begin{array}{l} ? \\ *-nt\acute{s}, *-n \\ *-k \end{array} \right.$

При этом обнаруживаются следующие соответствия с венгерскими личными окончаниями: а) 1 ед. субъектное спр. сам. $*-k$, $*-m$: венг. $-k$, $-m$; б) ед. объектное спр. сам. $*-m(\acute{s})$: венг. $-m$; в) 2 ед. сам. $*-nt\acute{s}$, $*-\delta(\acute{s})$: венг. $-d$ ($< *-nt\acute{s}$), $-l$ ($< *\delta$); г) 3 ед. субъектное спр. сам. $*-\emptyset$: венг. $-\emptyset$; 3 ед. объектное спр. сам. $*-t\acute{s}$: венг. $-ja$, $-i$ ($<$ праур. $*-s\acute{s}$); е) 3 ед. рефл. сам. $*-j\acute{s}k$ или $*-\acute{s}k$: венг. $-ik$;

б) объяснение угорских и самодийских каузативных глаголов (при которых субъект-каузатор не является производителем действия) образованными комбинированием уральских суффиксов $*-i-$, $*-r-$, $*-tt-$, $*-lt-$, $*-pt-$.

Следует отметить также, что приложения содержат список всех известных рукописных материалов по самодийскому языку, всего 16 единиц (причем 6 из них представлены в приложениях), и реконструкцию прасамодийского вокализма непервого слога.

В целом работа Е. А. Хелимского содержит формулировку и образцовое решение актуальнейшей научной задачи, касающейся основ уралоистики: выяснение древнейших угорско-самодийских контактов, а также новое решение проблемы классификации финно-угорских и самодийских языков. Решение столь важной и сложной задачи, без всякого сомнения, имеет существенное значение для уралоистики в целом. Работы такого характера следует продолжать и расширять. Основные результаты рецензируемого исследования опубликованы, но ввиду его исключительной важности следовало бы издать по крайней мере основную часть работы целиком.

ГИИТ-РЕЙН ВИИТСО (Таллин)